

RU

Современные материалистические теории субъекта – между Луи Альтюссером и Жаком Лаканом

Ливаднов Г. С.

Аннотация. Цель исследования – на основе анализа теоретического наследия Л. Альтюссера и Ж. Лакана определить ключевые подходы к проблеме субъектности на философской сцене середины XX – начала XXI века. В статье сопоставляются две этические модели понимания субъекта – «этика отчуждения» Альтюссера и «этика сепарации» Лакана. Первая модель представляет научную область, очерченную марксистскими социополитическими исследованиями («теоретический антигуманизм» Луи Альтюссера), вторая же – область психоаналитического знания (переосмысление Жаком Лаканом основ теории Зигмунда Фрейда). Научная новизна исследования заключается в том, что обе модели анализируются исходя из следующего критерия: какую этическую позицию занимает в них сам субъект. В результате показывается, какая из двух моделей представляется наиболее операционной в рамках современной философии.

EN

Modern Materialistic Theories of the Subject – between Louis Althusser and Jacques Lacan

Livadnov G. S.

Abstract. Basing on an analysis of L. Althusser's and J. Lacan's theoretical heritage, the study aims to identify the main approaches to the issue of subjectivity on the philosophical scene of the middle of the XX – early XXI century. The article contrasts two ethical models of understanding the subject: Althusser's "ethics of alienation" and Lacan's "ethics of separation". The first model represents a scientific field outlined by Marxist socio-political studies (Louis Althusser's "theoretical anti-humanism"), while the second one represents a field of psychoanalytical knowledge (Jacques Lacan's rethinking of Sigmund Freud's theory foundations). Scientific novelty of the research lies in the fact that both the models are being analysed in reliance on the following criterion: the ethical position that the subject itself takes in them. As a result, it is revealed which of the two models presents itself as the most operational within the framework of modern philosophy.

Введение

Актуальность исследования связана с ростом попыток обращения к переосмыслению понятия «субъект», имеющим своим истоком теоретико-политические предпосылки и связанным со специфической ситуацией в философии, маркируемой поисками нового универсализма (и построением материалистических онтологий постструктуралистского и неструктуралистского типа).

Послевоенная европейская философия, возникшая, с одной стороны, в качестве наследования идей марксизма как теоретико-политической практики для масс, а с другой – идей психоанализа как уже сугубо индивидуальной практики, смыкалась воедино в вопросе о субъекте. Будь то политический субъект в рамках марксизма – субъект-в-становлении, – требующий радикального пересмотра общественного и политического на эгалитарных началах, или же субъект в рамках психоанализа (а точнее, возникающий в ходе самого психоаналитического акта), требующий, в свою очередь, пересмотра господствующих психических и культурных нарративов, порождаемых капиталистическим способом производства, – перед европейскими интеллектуалами стояла задача обоснования новой субъектности. Конфликт с предшествующей теорией трактовался в двойном жесте отказа от понимания и трактовки субъекта как части капиталистической реальности и одновременно как части скомпрометировавшей себя социалистической реальности в форме опыта построения социализма в СССР – эквивалентами двойного жеста в рамках психоаналитической теории стали, соответственно, американская эго-психология и советская психология. В данной статье мы попытаемся

решить следующие задачи: во-первых, сопоставить теоретические ре-концептуализации понятия «субъект» у Л. Альтюссера и Ж. Лакана; во-вторых, на основе сопоставления эксплицировать две модели «этики субъектности», представленные у обоих авторов.

Теоретической базой исследования стали непосредственно тексты Л. Альтюссера и Ж. Лакана, а также их последователей. Теоретики нового понимания субъектности в марксизме и психоанализе парадоксальным образом провозглашали необходимость «анахронического акта» возвращения к теории – к перечитыванию текстов К. Маркса и З. Фрейда и созданию на их основе нового теоретического знания о субъекте. Для них это было изобретением «теоретической практики» (Л. Альтюссер) или «формализацией аналитической практики» (Ж. Лакан), способной породить новый научный подход к анализу соотношения общественного и индивидуального на основе пересмотра статуса субъекта. В данном исследовании мы рассмотрим теоретические модели Л. Альтюссера и Ж. Лакана, поскольку именно эти две модели – и в особенности новый статус, получаемый субъектом в них, – считаются наиболее операционными на современной теоретико-философской сцене. Современные мыслители (С. Жижек, А. Бадью, К. Мейясу, Э. Джонстон) выстраивают собственные проекты материалистических онтологий, исходя из теоретических путей, размеченных Альтюссером и Лаканом. Так, в «Возвышенном объекте идеологии» С. Жижек отмечает, что незримый идейный конфликт второй половины XX века маркировался именно фигурами Альтюссера и Лакана [10, p. 25]. Этот конфликт в пределе носил этический характер, и вот по какой причине: оба предложили новое понимание субъекта. Важно отметить, что мысль обоих была отмечена влиянием структурализма, что будет видно в дальнейшем разборе. Основным методом исследования в данной работе является анализ иностранных (английских и французских) источников, а также концептуальный анализ релевантных теоретических и методологических ресурсов.

Практическая значимость исследования заключается в попытке обобщения двух философских подходов к пониманию субъекта, показывающей тем самым всю теоретическую сложность и противоречивость обращения к проблеме субъектности у мыслителей XX и XXI веков, связанные в первую очередь с усложнением эпистемологической ситуации в философии и науке и не в последнюю очередь – с усложнением реальности самого современного субъекта. Приступим к непосредственному анализу.

Альтюссериянская модель субъектности: «этика отчуждения»

Мы уже говорили выше о влиянии структуралистской мысли на модели интересующих нас мыслителей. Это особенно относится к тому, что можно условно назвать «структурным марксизмом» Л. Альтюссера. Вторя Марксу («человек есть в действительности ансамбль общественных отношений» [4, с. 198]), Альтюссер определяет положение субъекта по эффектам в структуре. «“Истинные” субъекты – не те, которые займут места, то есть конкретные индивиды, или реальные люди, и тем более истинные объекты – не роли, которых придерживаются люди, и не события, которые производятся, но прежде всего это места в топологическом структурном пространстве, определенном производственными отношениями» [8, p. 311]. Субъект уже не есть то, что определяет себя из абстрактного понятия свободы, сводящегося в «гуманистическом марксизме» (Ж.-П. Сартра, к примеру) к преодолению отчуждающих социальных условий в рамках социалистического государственного строя, а то, что представляет место в структуре.

Общественная структура (производственные отношения) определяют положение субъекта, причем как субъекта, осуществляющего эксплуатацию, так и того, что подвергается ей. В работе 1972 года «Ответ Джону Льюису» Альтюссер противопоставляет тезисы «гуманистического марксизма»: «человек делает историю; человек делает историю, трансцендируя историю» – и тезисы реального марксизма-ленинизма: «историю делают массы; классовая борьба есть двигатель истории» [6, p. 89]. Альтюссер выворачивает наизнанку («изнаночность» станет важным моментом для мысли Лакана в том числе) сам вопрос о том, кто делает историю. Субъектом становятся безликие массы, социальные слои, объединенные в сложную и противоречивую констелляцию. Отбрасывая идеалистичность философии прошлого, Альтюссер утверждает первичность классовой борьбы существованию социальных классов. Таким образом, происходит избавление от фетишизма «человека», осуществляется возврат к анализу конкретного – реальных условий существования индивида, определяемых способом производства в рамках определенной социальной формации. Так сам исторический процесс предстает всеобъемлющей «природно-человеческой системой», двигателем которой выступает классовая борьба. История понимается как «процесс без субъекта», без какой-либо первопричины, трансцендентной (Бог) или же имманентной (связанной с философским пониманием субъекта).

Однако сама проблема субъекта наиболее исчерпывающим образом разрабатывается Альтюссером в заметках об «Идеологии и идеологических аппаратах государства» и рассматривается в контексте марксистской теории государства. Говоря о необходимости воспроизводства самих условий производства в рамках капиталистической формации, французский мыслитель предлагает подойти к марксистской теории с точки зрения топологии, а именно внимательно изучив пространственную метафору базиса (инфраструктуры) и надстройки (суперструктуры) самого К. Маркса. Марксистская топика позволяет анализировать соотношения между «этажами» с точки зрения (взаимо-)обусловленности, легитимируя термины «относительной автономии» надстройки и ее «обратного воздействия» на базис.

С точки зрения доработанной Альтюссером марксистской теории государства сама надстройка включает в себя два уровня: репрессивный государственный аппарат и идеологический аппарат государства. Последний

предлагается рассмотреть подробным образом, поскольку функционирует он всегда на уровне частного, а следовательно, как раз и отвечает за выработку господствующей идеологии на разных уровнях (семья, школа, церковь и т.д.), обеспечивая воспроизводство господствующих условий производства. Отмечая, что именно школьный идеологический аппарат занимает господствующие позиции в воспроизводстве производственных отношений (формируя и задавая саму общественную структуру отношений эксплуататор/эксплуатируемый) в зрелых капиталистических обществах, Альтюссер переходит к самому понятию «идеология», определяя ее как «воображаемые отношения индивидуумов относительно реальных условий их существования» [5, p. 41]. Существовая в непосредственной материальной данности каждого индивида, идеология представляет собой не просто искажение действительности, но скорее воображаемое отношение индивидов по отношению к тем условиям, в которых они существуют.

Следовательно, каждый индивид «уже-всегда» является субъектом в том смысле, что в своей практической действительности действует так, как ему уже предписано самой материальностью идеологии, квинтэссенцией которой выступает эта действительность. Речь идет о различных поступках, которые, в свою очередь, выступают ритуалами идеологического аппарата. «Идеология существует только в субъекте и для субъекта», – говорит Альтюссер [ibidem, p. 53]. Функционирование конкретной идеологии же отвечает функции конституирования конкретных индивидов в субъектов.

Каким образом это происходит? Через интерпелляцию, оклик индивида, который Славой Жижек называет «этикой отчуждения»: в самом акте «окликанья» субъекта идеологией (в лице полицейского в примере Альтюссера) лежит логика непризнания – логика, конститутивная для самого субъекта. Эффект «короткого замыкания», производимый воздействием идеологии на субъекта, заставляет последнего осознать задним числом, что он «уже-всегда» находился в том самом месте, производным которого он становится. Пролетарий понимает, что он «всегда-уже» был пролетарием. Он должен взять на себя определенную долю мужества, чтобы признать собственную отчужденность, непреодолимую вследствие вписанности ее в саму структуру производственных отношений, то есть должен понимать, что сама иллюзорность «является условием нашего исторического опыта» [ibidem, p. 49].

Лакановская модель субъектности: «этика сепарации»

Рассмотрим теперь лакановскую теорию субъекта – ведь именно она считается наиболее радикальной в среде философской мысли середины – конца XX века, но не потому, что является «еще одной» (более удачной) версией структуралистской мысли о субъекте в духе интерпеллируемого субъекта, позади которого всегда лежит структура; сам же субъект есть не более чем синоним иллюзии и самообмана в рамках таких размышлений. Лакан порывает с тезисом о существовании альтюссерянского «процесса без субъекта», возвращая утраченные права картезианскому субъекту.

Лакановский субъект описывается в рамках существования в режиме «двух нехваток»: с одной стороны, он, незавершенный, нуждается в другом, другом как месте речи, другом как означающем, в поле которого он и обретает некое подобие цельности, т.е. субъект рождается в поле Другого, исчезая (fading), а с другой стороны, его обретение себя через «протез другого» означает в(ы)писывание собственной пустоты (незавершенности) в символический порядок языка, сама его нехватка артикулируется означающими. Вместе с тем возникновение субъекта всегда сопровождается собственным провалом, невозможностью полной идентификации с символическим порядком: то в субъекте, что мешает «нормальному функционированию», то, что всегда наткнется на преграду, функционирует в виде симптома и возвращается на свое место постоянно. Возвращается оно через попытку переписывания Реального. Лакан отмечает, что подобная логика существования субъекта может называться логикой «не-всего» (pas-tout). Если субъект возникает в Символическом – поле Другого, – то само его существование выписывается отрицанием Реального, отбрасыванием Вещи, возвращающейся в виде симптома. Так, сама негативность подспудно представлена в позитивности Символического и является его ядром [7]. Симптом принимает форму навязчивого и травматичного повторения, что представляет большой интерес для Лакана в период «структуралистских» семинаров 1960-х годов.

В семинаре 1964 года под названием «Четыре основных понятия психоанализа» Лакан для прояснения понятия «повторение» использует два греческих термина – automaton и tuche (на русский язык эти два термина обычно переводятся как случай и самопроизвольность) [3, с. 72]. Лакана в первую очередь интересует проблема, поставленная двумя его учителями – Зигмундом Фрейдом и Гаэтано Гасьяном де Клерамбо, а именно проблема навязчивого повторения или же психического автоматизма. Обращение к данной проблеме он начинает с аристотелевской «Физики», где излагается теория причинности. Tuche и automaton являются исключениями из принципа необходимости и детерминизма четырех причин, выделяемых Аристотелем, они выступают как остатки причинности. Tuche и automaton указывают на место ускользания причинности. Психоанализ, как отмечает в своих рассуждениях Лакан, как раз и построен на подобного рода «неполном признании» причинности: место проскальзывания причины – место избегания природной и культурной обусловленности – и есть место Реального. В травматическом повторении навязчивого симптома – Лакан называет такого рода повторение automaton – находит свою невозможность цельная и завершенная структура цепочек означающих, что выражается у субъекта в разного рода неврозах. То, что лежит за automaton, управляемым принципом удовольствия, есть tuche – Лакан переводит это греческое слово как встречу

с Реальным: «...реальное – это то, что всегда лежит за автоматом, и чем больше читаешь работы Фрейда, тем очевиднее становится, что именно оно, Реальное, и является предметом главного его интереса» [Там же, с. 114].

Automaton таким образом представляет собой Символическое, а само повторение в его рамках есть попытка вернуться к моменту удовлетворения сна и снова. Однако в этом символическом механизме присутствует нечто, что ломает повторение знака и утверждает «момент непредсказуемости в возвращении того же самого» [9, р. 6]. Здесь Лакан, безусловно, заимствует кьеркегоровское понимание повторения как «непредопределённого прошлого»: налицо удвоение повторения, повторение не только воспроизводит событие, но и создает то, что настаивает на самом повторении и лежит за пределами означаемого. Повторение повторяет именно расщепление в повторении: попытка получить удовольствие снова в рамках Символического приводит к неожиданной встрече с Реальным. Эти два повторения нельзя рассматривать отдельно – «tuche обитает в разрывах automaton» [Ibidem, p. 34].

Повторяется как раз то, что не поддается символизации и ее избегает. Цель психоанализа, исходя из этого, можно сформулировать следующим образом: оставить то, что не повторяется через означающие, но лежит в самой сердцевине символического повторения. Оставить зазор открытым для появления истины о субъекте, не имманентной ему, а всегда лежащей в поле Другого. В 1970-х Лакан назовет свою радикальную версию картезианского субъекта *parlêtre* – неологизм, собранный из французских слов *parole* (говорить), *lettre* (буква) и *l'être* (бытие), который можно перевести как «говорящее через букву бытия». Субъект предстает расщепленным на субъекта сознания – того самого, который «мыслит» в рамках существующей реальности собственную независимость, и субъекта бессознательного, возникающего только в ходе непосредственного психоаналитического акта («я мыслю там, где я не емь, следовательно, я емь там, где я не мыслю» – резюмирует этот разрыв Лакан [2, с. 53]).

Заключение

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы из сопоставления двух теоретических моделей. Лакановская этическая позиция относительно субъекта, следовательно, сводится к «этике сепарации» и напрямую связана с лакановской максимой «не уступать в собственном желании». Эта позиция отсылает к невозможности символизации Реального, когда речь идет о желании субъекта. В отличие от «этики отчуждения» Альтюссера, в рамках которой субъект «уже-всегда» находится в рамках идеологии, субъект здесь всегда «не-весь»: будучи полностью подчинен (капиталистическому) символическому порядку, пролетарий приобретает категорию всеобщего, никакого «конкретного» пролетария в качестве исключения не существует. Есть лишь массы, выражаясь словами Альтюссера. Однако здесь Лакан идет дальше – пролетария, таким образом, не существует, он «вне-существует» относительно символической реальности капиталистического способа производства. Именно этот разлом, существующий как внутри субъекта, так и в самой структуре социального, выступает двигателем истории, обуславливая положение эксплуататора и эксплуатирующего. Однако сама эта конститутивная негативность субъектности и социальности является непреодолимой – эта позиция Лакана окончательно утверждает себя в качестве постмарксистской мысли, и в этом смысле также и постструктуралистской мысли – так как альтюссерианскую модель субъектности мы можем понимать как структуралистскую *par excellence*.

Если проект Альтюссера так и остается незавершенным по сей день (в том смысле, что историческая школа последователей Альтюссера прервалась довольно быстро, а многие непосредственные ученики философа, такие видные фигуры современной философской мысли, как Ж. Рансьер, Э. Балибар, А. Бадью, критическим образом переосмыслили наследие учителя), то теоретические наработки Лакана легли в основу ряда материалистических философских систем. Речь идет о плеяде философов, которые работают на стыке марксизма и психоанализа.

Среди них наиболее важными представляются постмарксистские изыскания Славоя Жижека (теоретические наработки которого уже использовались нами выше), политико-философская концепция События Алена Бадью (воплощающая собой попытку реабилитации универсализма как раз через прямое обращение к лакановской «этике сепарации»), а также наименее очевидная в своей преемственности мысли Лакана концепция «божественного несуществования Квентина Мейассу» [1]. Итак, именно лакановская модель субъектности – «этика сепарации» – является наиболее используемой в среде современной философской мысли. Остается требующим прояснения то, каким образом используется этическая модель Лакана непосредственно в теориях приведенных выше мыслителей, что будет исследовано и показано нами в последующих работах.

Список источников

1. Ветушинский А. Анти-спиритуализм, анти-идеализм, анти-обскурантизм: три периода в развитии западного материализма // Философская мысль. 2016. № 10. С. 16-31.
2. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997. 183 с.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основных понятия психоанализа (1964) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2004. 299 с.

4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. 776 с.
5. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses // Althusser L. On Ideology. L.: Verso, 2020. P. 1-61.
6. Althusser L. Reply to John Lewis // Althusser L. On Ideology. L.: Verso, 2020. P. 61-141.
7. Copjec J. Read My Desire. Lacan against the Historicists. Cambridge: The MIT Press, 1994. 281 p.
8. Deleuze G. A quoi reconnaît-on le structuralisme? // Histoire de la philosophie / dir. François Châtelet. P.: Hachette, 1973. Tome VIII. Le XXe siècle. P. 299-335.
9. Dolar M. A Voice and Nothing More. Cambridge: The MIT Press, 2006. 224 p.
10. Žižek S. The Sublime Object of Ideology. L.: Verso, 2008. 272 p.

Информация об авторах | Author information

RU**Ливаднов Георгий Сергеевич¹**¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург**EN****Livadnov Georgii Sergeevich¹**¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg¹ uthf15@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.12.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): постмарксизм; теория субъекта; психоанализ; «этика сепарации»; post-Marxism; theory of subject; psychoanalysis; “ethics of separation”.